

Ирина ЛАЗАРЕВА

МЫ НИКОГДА
НЕ РАССТАВАЛИСЬ

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Ирина Лазарева

Мы никогда не расставались

«Ирина Лазарева»

2017

Лазарева И. А.

Мы никогда не расставались / И. А. Лазарева — «Ирина Лазарева», 2017

Катя Полуянова начинает журналистское расследование эпизода, который ее глубоко взволновал и возмутил. Она знакомится с главным героем своего расследования, намереваясь уличить его в непорядочности и выяснить, чем вызван его поступок. Но Евгений оказался не бездушным циником, каким рисовало его Катинино воображение, а весьма интересным молодым человеком, и она... влюбилась. Ну а теперь уж и вовсе необходимо разобраться в давней истории, которая стала источником горя для семьи Евгения...

© Лазарева И. А., 2017

© Ирина Лазарева, 2017

Содержание

От автора	5
Глава 1. Год 2008	6
Глава 2. Год 1941	9
Глава 3. Год 2008	13
Глава 4. Год 1941	16
Глава 5	22
Глава 6. Год 2008	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирина Лазарева

Мы никогда не расставались

Морякам Ладозжской военной флотилии посвящается

От автора

В этой книге описаны реальные события, действующие лица имеют прототипов, названия кораблей – подлинные.

Однако, как в любом художественном произведении, в романе есть доля вымысла, связанная с судьбами главных героев, поэтому автору пришлось изменить их имена, а также ввести в повествование ряд вымышленных персонажей.

Глава 1. Год 2008

Все начинается в тот день, когда Димка, мой брат, приносит новый экспонат для своей коллекции. Он у нас фалерист, проще говоря – коллекционер орденов, медалей, значков. Димон, насколько могу судить, в этом деле еще салажонок в свои девятнадцать лет. Коллекция у него пока небольшая, но уже поглотившая изрядно финансовых средств по подсчетам нашей бережливой мамы. Папа, напротив, Димку поощряет, считает, что фалеристика – это история, которую можно поддержать в руках.

На сей раз, не много, ни мало, братан предъявляет нам орден Красного Знамени. У нас дома есть свои ордена, семейные реликвии, до которых никто не допускается. Они за стеклом, на почетном месте – два ордена Красной Звезды, один Красного Знамени и два Отечественной войны, первой и второй степени. Награды принадлежали деду, он получил их во время войны за боевые заслуги. Рядом лежат кортик и старая пеньковая трубка, которую дед курил, как и полагается настоящему морскому волку. Деда мы знаем по фотографиям, на последней он в мундире контр-адмирала. Мама чрезвычайно гордится своим отцом и называет себя капитанской дочкой. Когда маме пришла пора выходить замуж, она выбрала военного, чего и следовало ожидать от девушки, выросшей в гарнизоне. Правда, наш папа не моряк, он служил в бронетанковых войсках, ушел в отставку в чине полковника, сумел найти себя на гражданке, и, надо признать, с тех пор материальное положение семьи значительно улучшилось.

– Гляньте, что я раздобыл, – выпаливает Дмитрий, едва переступив порог небольшой гостиной, где перед телевизором расположилось наше семейство.

Редко, но такое телевизионное единодушие у нас случается: когда транслируют чемпионат мира по футболу, Олимпийские игры и парад войск на Красной площади 9 мая. Сегодня мы смотрим с мамой передачу по каналу «Культура», а у папы испортился ноутбук, он сдал его в починку и теперь не представляет, чем можно заняться. Свой я никому не даю, и у мамы есть персональный компьютер, на него также наложено табу, поскольку это не просто процессор и монитор, а кладезь маминых произведений. Черт знает, что на нее нашло на склоне лет, вдруг начала писать романы, причем сразу пробилась в крупное петербургское издательство. Неожиданная удача немедленно возвысила ее в собственных глазах, она решила, что обязана творить для потомков, ушла с опостылевшей работы терапевта в поликлинике и целиком посвятила себя созданию нетленок.

Димка выкладывает на стол орден и торжествующе наблюдает за нашей реакцией. Признаться, когда он приносит значки или даже медали, мы в состоянии разделить его восторг, но в данном случае каждый из нас рассматривает орден с противоречивыми чувствами. Мама невольно оглядывается на ордена деда и прижимает руку к груди.

– Ну, что в рот воды набрали? – не унимается Димка. – Вы только взгляните! Номер, «монетный двор», аверс, реверс, все честь по чести – шикарная штучка! Специалисты ахнули! Вещь подлинная, меня все поздравили с редким коллекционным материалом.

– И за сколько же тебе досталась эта...штучка? – спрашивает папа.

Дима в своем воодушевлении не замечает зловещих ноток в голосе отца.

– Ты не поверишь! Совершенно бесплатно! Мне его подарили.

– Та-ак, – протягивает папа. – Что ж это за человек, который не ценит собственной награды? Кто владелец?

У Димки в глазах появляются проблески тревожной мысли.

– Понимаешь, – неуверенно мямлит он, – я познакомился с одним парнем...случайно, в компании...разговорились, я рассказал о своей коллекции, а он и предложил: «Заедем ко мне, я тебе орден подарю, настоящий, с Великой Отечественной». Вот и все. Я сначала не поверил, думал, треплется чувак спьяну. Да вроде и не пьяный был. И все как сказал, так и сделал. Я,

правда, о документах заикнулся, но тут он вдруг рассердился: «Бери, что дают, и проваливай, не то передумаю».

– Вот так история! – возмущается отец. – Так запросто, как ненужную вещь, подарить чужой орден, да еще с войны, наверняка кровью заработанный... Нет, я отказываюсь понимать современную молодежь! Ведь ничего святого! Куда мы катимся, Аня?

Ночью я засыпаю не сразу. Обдумываю будущую статью. А что если попробовать проследить судьбу этого ордена? Хорошая статья получится. Я ведь начинающий журналист, никому пока не известный, но что мешает мне провести журналистское расследование? Здорово звучит, профессионально!

Конечно, Великая Отечественная война ушла в далекое прошлое, кто из нас, молодых, о ней вспоминает? Разве что в День Победы, или фильм про войну покажут, да и то пошла мода снимать военные боевики с невероятными поворотами сюжета.

Уже складываются в сознании строки из будущей статьи: «Я верю, что реки и каналы Санкт-Петербурга с фотографической четкостью хранят отражения событий давно минувших дней и лица людей, когда-то ходивших по этим улицам. Каждый камень в моем родном городе сберег в себе пласт военного времени – прочнейший сплав горя, страха, смерти, подвига и непосильного труда. Пласты нарастают один на другой, как круги в стволах деревьев, и остаются неизменны, так отчего же память людская не выдерживает испытания на прочность?»

Да, пожалуй, статья получится стоящей, если удастся раскопать любопытный материал.

Скоро мой здоровый организм берет свое, я засыпаю и просыпаюсь утром без единой серой мысли в голове, с беспричинной радостью в сердце, так как довольно тонкого лучика солнца, столь желанного в городе на Неве, чтобы у жизнерадостной девушки вроде меня поднялось настроение.

После завтрака я верчусь перед зеркалом и остаюсь довольна своей наружностью. Кожа чистая, глаза сияют. Волосы у меня густые, короткие, кофейного цвета, такие же зрачки, думаю, дурнушкой меня никто не назовет. Мне двадцать четыре, я худенькая, но не костлявая, рост сто семьдесят, мужики штабелями не ложатся, но вниманием противоположного пола не обделена. Недавно я рассталась со своим бой-френдом Даниилом, насилу отвязалась. Досадно, что мы работаем в одной редакции, приходится сталкиваться каждый день. Данька тоже журналист, кроме того подвизается в рок-группе, пишет тексты для песен и считает себя непризнанным гением. Оценить гениальность Даниила мне так и не удалось, поэтому я решила не стоять на пути его творческих исканий и заняться собственной карьерой, хочу побыть независимой деловой леди и показать всем и самой себе, на что я гожусь.

Соответственно душевному настрою выбираю модный однобортный пиджак и короткую юбку-стрейч в мелкую горизонтальную полоску, блузку цвета чайной розы с красивым декольте, надеваю туфли на высоком каблучке, стильно закатываю рукава летнего пиджака, чтобы видны были браслеты в комплекте с ожерельем и серьгами – купила бижутерию специально к блузке. Беру сумку Долче Габбана – подделку, разумеется, откуда у меня такие деньги? – но от фирменной не отличишь. Уж что-что, а одеться я умею, как говорится – недорого и со вкусом.

В коридоре сталкиваюсь с Димкой. Он все еще под впечатлением; тот, кто имел дело с чокнутым коллекционером, запросто представит блаженное свечение в глазах, почти идиотскую улыбку, не предназначенную окружающим, а лишь своему удовлетворенному чувству фаната-обладателя.

– Слышь, Дмитрий, – заступаю ему дорогу. – Разговор есть. Ты этого парня можешь мне показать, ну вчерашнего, что орден тебе подарил?

– Вот еще, – настораживается Димка. – Нашла дурака! Человек сделал доброе дело, а я его подставлять буду?

– Да не бойся ты! Когда я тебя подводила? Интересно просто, понимаешь?

– Ага, а потом чего-нибудь настрочишь в свою паршивую газетенку. Знаю я вас, журналистиков.

– Почему это она паршивая?.. Журналажники!.. Нахватался словечек... Слушай, давай так, ты мне парня покажи, хотя бы издали, остальное беру на себя, он и не узнает, что ты навел.

– Ну, Катя!.. Вижу, что ты стала настоящей журналюгой, и когда только успела, была сеструха, как сеструха... Короче, не проси, я сказал – и точка!

Все, уперся, папин сынок – дальнейшие уговоры бесполезны. «Я сказал – и точка!» Ему бы еще командный голос – и был бы вылитый полковник Полуянов.

Только забыл ты, братишка, что и я Полуянова, да к тому же «настоящая журналюга», а посеку, голубчики, вам так просто от меня не отделаться.

В редакции с утра все ползает как пробуждающиеся мухи: в кои-то веки проглянуло солнце, все окна настежь, работа по боку, сидят на подоконниках, балдеют. За окном искрится Мойка, по ней уже пошли прогулочные катера, битком набитые туристами. Вода зеркальная, отражает лодки, дома вдоль рек и каналов. Город сверкает куполами, шпилями; розовыми, голубыми, зелеными фасадами отреставрированных зданий. На синем небе гряды белоснежных облаков, плывут над городом в сторону Финского залива – определенно, день занимается прекрасный. Обожаю Питер, особенно в погожие дни, когда на улицах много народу, как будто в город вместе с солнцем приходит праздник. По ночам на набережной столпотворение задолго до того как начинают разводить сверкающие огнями мосты, здесь и туристы, и горожане, много беспечной молодежи, готовый гулять всю июльскую ночь напролет.

После работы я медленно иду по Гороховой улице, задерживаюсь на Набережной Фонтанки, облакачиваюсь на кованую решетку, мой взгляд притягивают оживленные лица гостей Северной столицы, они сидят на палубах проплывающих мимо речных трамваев и дружно поворачивают голову то вправо, то влево по ходу комментариев гида. Вот молодой человек машет мне рукой, я улыбаюсь в ответ. Горделиво смотрю на свое отражение в устоявшейся воде. На миг себя не узнаю, мне чудится другая девушка, она чем-то похожа на меня; пожалуй, те же черты лица, но светленькая и совсем юная, причесана и одета старомодно, я даже вижу ситцевое платьице в цветочек со строгим, застегнутым у шеи кружевным воротничком, и рукава фонариком.

Накатывает речная волна от катера, вода волнуется, рябит и изображение пропадает. Я торопливо озираюсь по сторонам, но рядом никого нет.

Глава 2. Год 1941

Война застала Настю Головушкину в Павловске. Всю предвоенную зиму она тяжело болела пневмонией. Пришлось на время оставить институт и вернуться в Свирицу, где Настя пролежала до весны – счастье, что вообще выжила. А как все хорошо начиналось: семья проводила ее в Ленинград, она приехала к тете и сразу же отправилась в Электротехнический институт подавать заявление. Конкурс был порядочный – шесть человек на место. Абитуриенты, ребята и девушки, казались Насте такими умными, знающими, уверенными в себе. Она заробела и приуныла: куда ей сельской простушке до городских – они и держатся и разговаривают по-другому. Зря она сунулась в этот институт, шла бы куда-нибудь на филфак, тем более что литературу любила, зачитывалась классиками и поэзией, только считала, что вся лирика и романтика – для души, а образование надо получать по точным наукам, благо по математике и физике всегда училась на одни пятерки.

Страхы ее оказались напрасными: вступительные экзамены сдала на отлично. Ура! Ей семнадцать лет, и она студентка! Настя была полна радужных надежд. Ленинград, город-сказка, чудо архитектуры и искусства – сколько заманчивого, интересного и неожиданного таил в себе этот город.

Настя обосновалась в студенческом общежитии, и жизнь закрутилась захватывающей сменой событий, только очень скоро оказалось, что денег катастрофически не хватает. Стипендия была мизерной, а дома, в Свирице, остались родители с четверьмя младшими сестрами на руках.

Настя решила подрабатывать. Вместе с соседками по комнате она устроилась в овощехранилище на сортировку овощей. Работали по вечерам. Обмывали овощи, идущие по конвейеру. Стояла поздняя осень, вода для обмывки была ледяная – вот и простудилась. Поначалу радовалась: зарабатывала по три рубля в смену; жизнь как будто налаживалась, но вскоре Настя стала кашлять, температурить, пока окончательно не слегла. Приехал папа и увез заболевшую дочь домой. Так она в постели и пролежала, вплоть до самых оттепелей, пока лед на Свири не тронулся – мало родителям было забот!

В институт Настя могла вернуться только в следующем учебном году, а пока райком комсомола направил ее в Павловск, в спортивную школу. Девушек и юношей готовили к торжественному параду, приуроченному ко Дню физкультурника. Опять потянулись золотые деньки. Школа размещалась во флигеле Павловского дворца, а все тренировки и занятия проходили в парке, на воздухе. Питание было хорошее – Настя поздоровела и окрепла.

22 июня, в тот день, когда началась война, Настя с подругами загорали в глубине парка, на зеленой лужайке. Солнце припекало кожу, и Настя передвинулась в ажурную тень березы.

– Девчата, хватит жариться. Лена, сгоришь ведь, иди сюда! – позвала Настя.

– Ой, кажется, Валька Ганин идет. Прикройтесь все скорей, – сказала Лена. – Никуда от него не спрячешься. Насть, чего ты его не отошьешь? Ходит и ходит за тобой, как бесплатное приложение. Может, он тебе все-таки нравится?

– Не знаю, девочки, – вздохнула Настя, – то нравится, то не нравится, сама не пойму.

Зашуршали шаги по траве, и Валя присел рядом с Настей на корточки.

– Загораете? – сказал он. Изо рта у него торчала травинка; он шурился, и от уголков его глаз разбегались тонкие лучики. – Насть, а, Насть, пойдем прогуляемся.

– Иди, иди, – поддержала Лена, – а то мы еще не дозагорали. Вечно ты, Валя, не вовремя.

Настя накинула легкий сарафанчик, который, проявив недюжинную изобретательность, сшила себе сама из разноцветных лоскутков ткани, расправила оборки на подоле и с важностью приняла протянутую руку своего кавалера. Ухаживания Валентина ей скорее льстили,

чем привлекали. Ей нравилось наблюдать, как этот взрослый, по ее понятиям, отслуживший в армии парень робел и терялся в ее присутствии. Настя сама не отличалась смелостью в отношениях с противоположным полом и, скорее всего, в случае чрезмерной Валиной настойчивости, общение их закончилось бы, едва начавшись. Валентин относился к ней с почитательностью, несвойственной большинству сельских парней, которые подкатывались к Насте с залихватскими шуточками, с ее точки зрения грубоватыми, но вполне безобидными. Начитавшись книг, она воображала себя тургеневской барышней и ждала соответствующего к себе отношения. Валя вполне вписывался в созданный в ее представлении образ интересного молодого человека. Он умел быть обходительным, говорил Насте комплименты, называл Беляночкой за белокурые легкие волосы и молочную кожу, которую не брал никакой загар. Он и внешне был недурен собой: высокий, атлетического телосложения – занятия спортом и служба во флоте не прошли даром, – волосы почти такие же светлые, как у Насти, зато глаза у них были абсолютно одинаковые – голубые и ясные. Не удивительно, что они были чем-то похожи друг на друга – оба выросли в Приладожье, Настя – в устье Свири, Валя – в Новой Ладоге. Ребятишки в этих краях в большинстве своем белобрысые и голубоглазые, точно родные братья и сестры.

Словом, Валентин, казалось, подходил Насте по всем статьям, только сердце ее молчало. Она тихо, не волнуясь, шла с ним рядом по тенистой аллее. Валя рассказывал о чем-то, а она слушала с отвлеченной безмятежностью, пока он не огорошил ее неожиданной фразой:

– Настенька, а можно тебя поцеловать?

Настя отшатнулась. В свои восемнадцать лет она еще не целовалась ни с одним парнем; в этом была виновата ее застенчивость, потом болезнь, отнявшая у нее почти год юности. Отец Насти, Иван Федорович, держал дочерей в строгости. Главным принципом воспитания детей он определил труд, к чему приучал их с малолетства. Несбывшееся желание иметь сына вылилось у него в стремление воспитывать девочек как мальчиков, поблажек их женской природе никаких не делалось. Иван Федорович служил смотрителем навигационной обстановки Ладожского озера. Он часто брал Настю на катер, обходя обширное водное пространство, заезжая на маяки – Осиновецкий, Стороженский, Бугровский, Кареджи, Свирской и Сухо, не оставляя без внимания створные огни и знаки, все банки и мели, каменные и песчаные косы, которые имели ограждения из освещаемых буюв и вех. Настя научилась лихо управлять катером, ходить на веслах и под парусом.

В делах, в хозяйстве, на природе Настя была решительной и умелой. Летом, по утрам, ни свет ни заря сестры выгребали на устье Свири и ставили перемет, потом засыпали прямо в лодке, в камышах, под плеск речной волны и пение птиц в лесу. Ловились лещи, густера, плотва; на блесну – красноперые окуни и щуки. Через два часа юные рыбачки просыпались как по команде, выбирали перемет и направляли лодку к берегу, где их уже поджидала мама. После завтрака надо было разделять рыбу. Мама, не в пример властному мужу, старалась привить дочерям навыки, необходимые, по ее убеждению, любой женщине. Она учила их вязать, вышивать гладью, тамбуром, крестом, кроить и шить платье. Поэтому Настя неизменно выглядела нарядной, когда по вечерам девушки и парни гуляли вдоль канала по бечевнику, пели песни, озорно перекликались с одного берега на другой, успевая при этом грызть семечки.

Настя с детства была своеобразным ребенком. Лгать она совсем не умела, оттого что по натуре была правдива и еще, возможно, оттого, что, несмотря на кажущиеся мягкость и податливость, была очень горда. Она считала для себя невозможным изворачиваться перед другим человеком и ложь рассматривала как недостойное средство приспособления к людям; может быть, именно в этом сказывался ее юношеский максимализм.

Насте, как и любой девушке, нравилось ухаживание парней, но только на расстоянии. Казалось, внутри нее сидела какая-то несговорчивая и донельзя пугливая зверушка, которая всякий раз принималась в панике носиться в груди и даже в голове, стоило молодому человеку вознамериться от слов перейти к действиям.

Красивый и желанный для других девушек Валентин не стал исключением. Увидев ее непроизвольную реакцию, он в смущении отступил и заговорил на другую тему. Насте самой было неловко до слез. Так не хотелось обижать Валью! Он был такой деликатный – сама вежливость, что ей стоило подставить щеку? Ну да, подставишь, а что потом? Завтра он захочет большего. Нет, видно, не Валья ее судьба.

– Настя, Валья! – услышали они голос Лены.

Она бежала к ним со всех ног, придерживая на груди расстегнутый халатик.

– Беда, Настя, беда-а-а, – заголосила она. – Возвращаться надо. Объявили общий сбор.

– Да что случилось, Лена? Толком объясни, успокойся!

– Не знаю, родненькие. Говорят, война началась. Ой, Настя, страшно мне, а вдруг и вправду война? Что же теперь будет, Настя-а?

Жизнь с того дня круто изменилась. Валья, как и другие парни, ушел в военкомат, и Настя о нем ничего не знала. Потянулись бессонные ночи. Девушкам выдали винтовки, наскоро показали, как стрелять, и поставили что-то охранять, что именно – они плохо себе представляли. Продолжалось это недолго, уже через неделю девушек отправили рыть окопы в район Лодейного Поля.

После спортивной школы работа киркой и лопатой не казалась Насте особенно трудной, она отвлекала от тяжелых мыслей, растерянности и разъедающей душу тревоги. Слухи, доходившие с фронта, были пугающими: в конце августа немцы захватили Мгу, окончательно перерезав железные, шоссейные и грунтовые дороги под Ленинградом. На следующий день фашисты перекрыли водную коммуникацию на Неве у Ивановских порогов. Еще через неделю враг завершил окружение Ленинграда захватом Шлиссельбурга, где брали свое начало Невы и ладожские каналы. Началась блокада Ленинграда. Оставался единственный путь, по которому можно было доставлять в Ленинград продовольствие, подкрепление и боеприпасы для фронта – это южная часть Ладожского озера, так как северная и большая его часть находилась под контролем финских войск.

Настя с Леной теперь работали в лесу – надо было заготавливать вехи для Ладожской военной флотилии и Северо-Западного речного пароходства, которые в невероятно опасных условиях обеспечивали перевозки снабжения из Волховстроя и Новой Ладоги в основной перевалочный пункт – Осиновец, а оттуда по пригородной железной дороге грузы отправлялись в осажденный Ленинград.

Конец лета выдался пасмурным и дождливым. Девушки рубили молодые деревья высотой не менее двенадцати метров, очищали от сучьев и волоком тащили к подводе, чтобы перевезти к просеке, где стволы складывались штабелями. Лесорубы из них были никудышные, тяжелые топоры слушались плохо. Срубленные деревья падали на землю как попало – попробуй их разверни, да оттащи. Лошадь тоже не слушалась, явно презирала таких неумех, фыркала и взбрыкивала, а с места сдвинуться не хотела.

– Но-о, пошла, милая, – уговаривала кобылу Настя, дергая ее под уздцы из последних сил.

Чалая косилась диким глазом и пятилась назад, храпя и вскидывая голову. Настя скользила в размытой грязи, падала, а Лена сердилась:

– Будет тебе ее уговаривать. Много чести! Вот возьму сейчас хворостину, да наподдам как следует, – пойдет как миленькая. Ишь издевается, скотина бессловесная, время нашла, никакой сознательности!.. Настя, давай посидим чуток. Сердце зашло, прямо мочи нет. И руки болят. Свои-то покажи. Небось, стерла до крови.

– Да я уже привыкла. – Настя присела рядом на бревно. Она стянула рукавицы и замолчала, невесело разглядывая волдыри на ладонях.

– Лен, ты о Вале ничего не слышала? – спросила она минуту спустя.

– Опомнилась! Теперь ты его, может, и вовсе никогда не увидишь. Хорошо, если живым вернется да не покалеченным. Вон на Васю Одинцова родные уже похоронку получили. И на Костю Рябова. Наши мальчики из класса тоже все на фронт ушли. Я их теперь часто вспоминаю.

– И я, – с нежностью сказала Настя. – Какие они все чистые были, жизнерадостные.

– Дуреха ты, Настя, – упрекнула Лена. – Валя тебе чем не угодил? За мной бы такой парень ухаживал!

– Трусливая я, Лен. Вот и Валу не поцеловала, испугалась, а ведь что он просил – всего один поцелуй! Может, вспоминал бы сейчас там, под пулями, и память об этом душу бы ему согрела. Скажи, ну что мне стоило его поцеловать! А как теперь убьют его... – Настя вдруг расплакалась, уткнув лицо в стертые ладони.

– Не реви, слезами горю не поможешь, а горе у нас сейчас одно – общее. Что же, всем теперь плакать? Давай-ка вставай, некогда рассиживаться, а то не поспеем до темноты.

Настя послушно поднялась; они взялись за очередное бревно и поволокли к подводе.

Глава 3. Год 2008

В задуманном мною плане расследования особенно полезным оказывается тот факт, что Дима с аккуратностью истинного коллекционера ведет записи относительно каждого экспоната своей сокровищницы. Я никогда этих записей не видела, поскольку братом интересуюсь умеренно, без излишней родственной истерии, но, обладая нюхом заправской ищейки, – качеством, заметьте, весьма полезным для журналиста, – догадываюсь, что таковые записи должны существовать. Ведь Дима стремится к общению с признанными авторитетами в фалеристике и, без сомнения, старается им во всем подражать. Следовательно, рассуждаю я, у него должна быть тетрадь, в которой отмечен факт приобретения ордена.

Итак, чуть братишка за порог, я начинаю бессовестно рыться у него в комнате, шарить в ящиках. Вот она, заветная тетрадь! Долго искать не пришлось. Впиваюсь глазами в строчки. Есть! Орден Красного знамени, получен в подарок такого-то числа, даритель – Евгений. Вместо фамилии прочерк. На этом месте я погружаюсь в раздумье: тут могут быть два варианта – либо Дима не спросил фамилии, что маловероятно, либо парень не пожелал назвать своего полного имени. Есть еще третье предположение: брат постеснялся продолжать расспросы после того как означенный Евгений вспылil. Но адрес братан записал. Молоток! Это самое главное, теперь таинственный даритель от меня не уйдет!

Свой замысел я обсуждаю с главным редактором на следующий день.

– А что, занятная идея, – говорит тот. – Тема не избитая, сейчас как никогда актуальная, действуй, Катерина, возможно, нароешь что-то интересное.

Одно плохо: при разговоре присутствует Даниил; не люблю посвящать кого-либо в свои планы, тем более отставного любовника, который сидит с безразличным видом, на деле заносит все в карту памяти и норовит при случае ехидно поддеть – уже проверено временем. Но не могу же я потребовать, чтобы шеф его выставил.

Вечером тщательно одеваюсь, искусно подкрашиваюсь, в меру, чтобы не быть похожей на искательницу приключений, но при этом ненавязчиво подчеркиваю достоинства своей недурной мордахи. Напоследок строю своему отражению язвительную гримасу и топаю из дому. Снова идет дождь, поэтому на мне свободный классический тренч, легкий, светло-бежевый, с широкими рукавами и перехваченный ремнем в талии, он стройнит и делает мой облик более хрупким и женственным; под плащом платье песочного цвета с квадратным вырезом. На шее – серебряная цепочка с кулоном-каплей из дымчатого топаза, в ушах такие же серьги.

Идти совсем недалеко, в соседний квартал. Я нахожу нужный дом и поднимаюсь на четвертый этаж. Подъезд просторный, высокие потолки, это пятиэтажная сталинка, обожаю такие дома. Но квартира тринадцать. Чума! Как можно жить в квартире под номером тринадцать? Мне сразу не понравилась цифра, как дурной знак моему предприятию, но что делать? Как говорится, крут бережок, да рыбка хороша.

Нажимаю кнопку звонка и жду, набравшись нахальной решимости. Будет шикарно, если сейчас откроет жена и сразу окрысится на неизвестную фифу, которая спрашивает ее мужа. Жены – они чрезмерно подозрительные, им кажется, что все без исключения особи женского пола покушаются на их сокровище. Какой бы ледащий мужичонка не был, все равно найдется на него хозяйка с ревнивыми глазищами – заполучила, мол, теперь фиг отдам! Да я и не осуждаю их. Бедные женщины, до чего демография довела, слышала, что в России мужчин на двенадцать миллионов меньше, чем женщин, ничего себе статистика! А ведь сами мужики и виноваты – спиваются, деградируют, попадают в тюрьмы, многие погибают из-за несчастных случаев, вот женщины и расхватывают, что попало.

Щелкает несколько раз замок, и дверь открывается, но не полностью, а ровно настолько, чтобы можно было разглядеть две трети женского лица. Что я говорила! Смотрит, как змея из-

за пазухи. Но на супругу не похожа, слишком молоденькая, скорее всего любовница, и одета не по-домашнему, а так, будто пришла на свидание.

– Извините, – воркую я. – Мне нужен Евгений. По важному делу.

Девушка оглядывает меня крайне придиричивым взглядом, потом нехотя отворачивается и кричит в коридор:

– Же-ень, тут какая-то мамзель тебя спрашивает!

Я слышу звук мужского голоса из глубины квартиры, но не разбираю слов.

– Давай, проходи, – распахивает дверь девица. – Туфли снимай, наследишь еще, я тебе тапки дам. – Понятно, еще не жена, но собирается ею стать, хозяйственность проявляет.

Послушно надеваю войлочные тапочки и шаркаю по блестящему паркету вглубь квартиры, стараясь не вдыхать домашние запахи. Это у меня пунктик, если хотите, с трудом выношу запахи чужих квартир. Давно заметила, что любое жилище имеет свою характерную атмосферу, как бы не старались блюсти чистоту хозяева, какой бы ремонт не отгрохали, а дух конкретного семейства всегда живет в его обители. Впрочем, осторожно потянув носом, прихожу к выводу, что дышать можно, да и квартира огромная, воздуха много.

Евгений сидит в просторной комнате, служащей ему кабинетом, на что указывает компьютерный стол и офисное кресло. Хозяин вместе с сиденьем поворачивается мне навстречу.

Ну что вам сказать, парень как парень, старше меня от силы года на два, крепкий, со здоровым цветом лица, славянской внешности, взгляд замкнутый и чуть исподлобья, вот и все мои первые впечатления. При виде меня вскидывает брови, но суть сей мимики я не улавливаю.

– Присаживайтесь, – указывает на диван. Решил показать себя джентльменом. И на том спасибо: люди разные попадают, могли у меня перед носом попросту захлопнуть дверь, а тут пустили в дом незнакомого человека, да еще предлагают сесть.

– Извините за беспокойство, – сладчайшим голоском начинаю я. – Вчера к вам приходил мой брат, Дмитрий, если помните. – Евгений хмурится, чего и следовало ожидать. – Видите ли, он ужасный растеряха и где-то посеял дорогой для него значок. Мы у себя в доме все перерыли и вне дома проверили, где смогли. Вещица небольшая, могла куда-то закатиться, поэтому я подумала, что стоит и у вас поискать – очень уж парнишка убивается. Вы ведь знаете коллекционеров, то, что для нас пустяковина, просто глупость какая-то, для него – ценность, чуть ли не смысл жизни. Уж простите великодушно и не подумайте ничего плохого.

– А почему он сам не пришел? – следует сухой вопрос.

– Стесняется, молодой еще, – продолжаю я беззастенчиво врать. – Боится, что вы неправильно его поймете.

– Вы так любите брата? – испытующе сверлит меня глазами, все еще ждет подвоха.

Да-а, дело тут непростое, я бы сказала – нечистое, чего-то он опасается, чувствую всеми фибрами.

– Конечно, вам кажется это неестественным?

Он смотрит на застывшую в ожидании девчонку, та пялится на него, соображают голуби, у меня при этом вид невинной птахи, взгляд честный, как у пионера тридцатых годов.

– Хорошо, – решается Евгений. – Посмотрим в гостиной и в коридоре, больше ваш брат никуда не заходил.

Он встает и демонстрирует изрядный рост и плотное телосложение, этакий тип крепкого русского мужика, сейчас еще молод, но видно, каким станет со временем. Хотя, если честно, меня в последнее время от всех парней тошнит: Данька чересчур достал, уродом оказался, каких мало, теперь проецирую негатив на всех подряд, сама понимаю, что и парни случаются разные, а все равно от любого с души воротит.

Мы проходим в гостиную и начинаем в шесть глаз разглядывать узоры на ковре и закоулки между шкафами и диванами. Ковер толстый, пушистый, на всю комнату, поэтому, улучив момент, я забрасываю далеко под диван круглый значок какого-то молодежного форума, кото-

рый стибрила из Диминой коллекции. Значок беззвучно укладывается у плинтуса, как заправский сообщник, и скромно ждет, пока его найдут. Я делаю вид, что мое внимание приковано исключительно к полу, но исподтишка изучаю окружающую обстановку. Пытаюсь засечь хоть какую-то подсказку по интересующему меня вопросу.

– Надо же, действительно здесь оказался. – Евгений поднимает с пола значок.

Тяжеленный диван он отодвинул одним движением – есть, видать, силушка молодецкая, хоть и сиднем сидит за компьютером, даже прелестница не смогла его отвлечь, то-то личико у нее кислое.

Евгений протягивает мне значок. Отмечаю, что взгляд у него значительно потеплел. Сработало! Первый этап операции завершен успешно. Главное проявить выдержку и не спугнуть объект. Поэтому забираю свою подставку, усиленно за нее благодарю и сваливаю.

Спускаясь по лестнице, мысленно подвожу итоги: контакт установлен, бастион недоверия смят, но по тематике ничего не обнаружено. На историю рода в оставленном мною жилище явно не заморачиваются, здесь нет памятных вещей, фотографий, ничто не указывает на проживание в настоящем или прошлом людей старшего возраста. Я рассчитывала найти какую-нибудь подсказку, но вижу со всей очевидностью, что в просторной, модно обставленной квартире живут только молодые современные люди, не обремененные семейными воспоминаниями.

Глава 4. Год 1941

С 12 сентября начала действовать Дорога жизни. По узкой полосе водного пространства Ладожского озера двинулись корабли и баржи с грузами для осажденного Ленинграда, войск Ленинградского фронта и частей Балтийского флота. Авиация противника, занявшего выгодные позиции и аэродромы вблизи водной трассы, ежедневно предпринимала ожесточенные атаки на суда и корабли в озере и в портах. Шлиссельбург и Бугры были заняты немцами, оттуда в любой момент можно было ждать артиллерийского обстрела.

Настя с Леной отработали на лесоповале и в октябре были направлены в Новую Ладугу, где находилась главная база флотилии и гидрорайон ЛВФ. Лену определили на пароход «Пожарник», а Настю – в гидрографическую службу матросом катерной команды.

Здесь же, в Новой Ладоге, находился штаб ЛВФ, недавно перебазированный из Осиновца.

В Новую Ладугу прибывали офицеры, командиры-гидрографы, с Балтики перебрасывались корабли, катера, гидрографическая и навигационная техника, карты и пособия для мореплавателей.

Настя фактически работала перевозчиком. Ей доверили катер, с которым она, хорошо усвоившая уроки отца, лихо управлялась, «гонялась» по беспокойному озеру и швартовалась к пирсу, как заправский моряк. Удобных причалов пока не было; корабли стояли на Волховском рейде, грузы подвозились к ним на малых катерах. В обязанности Насти входила доставка на корабли продовольствия и перевозка личного состава.

В начале октября Настя сидела на катере у ветхого рыбацкого пирса в ожидании пассажиров, кутаясь в выданный ей форменный бушлат, обмотав голову теплым платком по самые брови, и смотрела на шпили и маковки белых церквей Новой Ладоги – старинного, патриархального города с рублеными русскими избами и деревянными домами. Лишь на центральной улице возвышалось несколько каменных двухэтажных домов. Над городом неслись стаи хмурых облаков, озеро беспокойно вздымалось, серые волны с шумом ударялись в борта и раскачивали маленькое суденышко. Насте было холодно сидеть на пронизывающем ветру, взгляд ее поминутно обращался к сараю за пирсом, укрыться бы там хоть ненадолго, но служба есть служба, еще увидит кто и донесет начальству, нет уж, лучше мерзнуть, перетерпеть несколько часов, а после побежать в столовую, где можно поесть и отогреться.

На рейде встал на якорь гидрографический корабль «Сатурн». Настя развернула катер и направила его к судну.

Пассажиром Насти оказался незнакомый лейтенант – одет с иголочки, в новой шинели, аккуратный, подтянутый, по всему видно – едет к командованию в штаб.

– Поторопитесь, товарищ матрос, – высокомерно произнес молодой человек, становясь на носу катера во весь рост и строго поглядывая на Настю, – этаким бравый моряк, преисполненный чувства собственного достоинства.

Насте это не понравилось. «Скажите, пожалуйста, – подумала она, – надо же, как задается!»

В непонятном ей самой раздражении она погнала катер к берегу и на полном ходу врезалась в прибрежную отмель. Офицер, естественно, кувырнулся за борт. Встал из воды мокрый по пояс, новенькая фуражка слетела с темноволосой головы.

– Ах ты, черт, – пробормотал лейтенант и глянул на Настю черными, огненными какими-то глазами.

«Сейчас убьет», – подумала она, испугавшись того, что наделала.

Он вышел на сушу, растерянно себя оглядел, вылил воду из фуражки и, повертев ее в руках, надел на голову. Снова поднял глаза на Настю, кажется, наконец-то разглядел под платком свежее, испуганное девичье лицо и неожиданно обезоруживающе улыбнулся. Молодцевато взяв под козырек, он развернулся на сто восемьдесят градусов и направился к штабу.

Настя застыла, глядя ему вслед. Уж лучше бы он отругал ее последними словами! Какой бес в нее вселился? Зря ведь обидела хорошего парня.

Весь день ее преследовало саднящее чувство вины и, что было совсем уже необъяснимо, веселый блеск удивительных черных глаз.

Вечером того же дня Настю вызвали к начальнику гидрографического района. Капитан-лейтенант, человек сам молодой, к Насте относился по-отечески – юная неопытность ее и диковатая застенчивость вызвали неподдельное сочувствие у офицеров постарше, тогда как лейтенантики-новички, еще необстрелянные, только из училища, стеснялись и краснели в разговорах с девушками. А девушек было немало в гидроузле – чертежницы, копировальщицы, картографы работали над составлением морских карт, после того как результаты изменения фарватера передавались на камеральную обработку.

– Ты что же это, Головушкина, мне офицеров калечишь? – с нарочитой строгостью сказал капитан. – У нас здесь командиров-гидрографов наперечет, на вес золота, можно сказать, а ты их купаешь в холодной воде. Смотри, заболит, я с тобой по-другому разговаривать стану.

– Я не хотела...сама не знаю, как это получилось... – пролепетала Настя и вдруг, охваченная внезапной досадой, выдохнула: – Ух, сразу и нажаловался!

Капитан-лейтенант улыбнулся:

– Не жаловался он, Настюша, не жаловался, сказал, что сам не удержался и в воду упал, только раз ты его перевозила, значит, твоя вина в том и есть, что парень весь мокрый пришел.

Он поглядел на Настю, словно обдумывая что-то.

– Ты, вроде, в институте училась? – спросил он.

– Мало, полгода всего, заболела я, а потом уже не успела, – уныло проговорила Настя.

– Ничего, после войны доучишься, девушка ты толковая, раз в институт смогла поступить. Отправлю-ка я тебя в отдел кадров, приведешь там в порядок личные дела офицеров, тебе это будет не трудно. Так что, матрос Головушкина, кру-у-гом и шагом марш к новому месту службы!

– Слушаюсь, товарищ капитан-лейтенант, разрешите идти? – проямлила Настя, вышла и побрела к отделу кадров в окончательно разброшенных чувствах.

Она свыклась с работой перевозчика; правда, надвигались холода, скоро озеро начнет подмерзать, и лед с каждым днем будет оттеснять ее катер все дальше от берега, позже образуется береговой припай и скует отдельные банки и отмели, а в ноябре обледенеет все водное пространство.

Теперь часто штормило – такое уж оно Ладожское озеро, огромное как море – местные его так и величают, безбрежное море, опасное, неистовому ветру раздолье, подчас так разойдется, что накрывает злыми волнами маленькие суденышки, а то и целые баржи. Издревле называли озеро свирепым: штиль на Ладоге явление редкое, зато штормы бушуют чуть ли не круглый год.

Война пока щадила Новую Ладогу, немцы в основном бомбили корабли на рейдах и в озере. Порой отголоски взрывов и орудийной канонады доносились откуда-то издалека. Часто бомбили железнодорожную станцию в Волхове, тогда в Новой Ладоге дрожала земля идребезжали стекла. Офицеры появлялись на берегу редко и ненадолго; все они, без сна и отдыха, измотанные непрерывными вахтами и боевыми тревогами, были на трассе. Сторожевые корабли, канонерские лодки, тральщики, военные транспорты, катера – «морские охотники», гидрографическое судно уходили в свои опасные рейды и часто возвращались в базу

с пробоинами, с поломанными винтами, помятыми корпусами, выгружали раненых, спешно ремонтировались и вновь пропадали в озерной дымке.

Настя стала осваиваться на новом месте работы, постепенно втянулась, сблизилась с девушками из отдела камеральной обработки, в особенности с Полиной, девушкой значительно старше Насти – ей было уже двадцать семь. Она нравилась Насте своей сдержанностью и образованностью. Полина имела репутацию отличного специалиста, всегда готового помочь советом. Она была шатенкой с темно-кариыми глазами, которые в зависимости от освещения иногда казались черными, а потому, должно быть, довольно некстати навели Настю на мысль о вымокшем по ее вине офицере. Воспоминание об этом вроде бы случайном эпизоде почему-то беспокоило и даже раздражало ее: она сердилась на себя, на этого парня – вот привязался, черт ехидный, чисто цыган со своими глазищами, и с виду отчаянный, а ведь не мальчик уже, а старший лейтенант.

Разбирая личные дела офицеров, в одной из папок она наткнулась на его фотографию. «Ароян Вазген Николаевич» гласила запись в первой графе. Далее следовали сведения, согласно которым Арояну Вазгену Николаевичу было двадцать семь лет от роду, по национальности он был не цыган, а армянин, родился в незнакомом городе Ереване и, что особенно примечательно, женой и детьми обзавестись пока не успел.

Однажды, когда Настя в очередной раз была занята углубленным изучением фактов биографии неотвязного лейтенанта и не менее скрупулезным исследованием его фотографического изображения, Полина, чье появление осталось для Насти незамеченным, заглянула ей через плечо.

– А, Вазгена разглядываешь? Красивый парень, – она тоскливо вздохнула, причем вздох этот, как показалось Насте, направлен был не в сторону лейтенанта Арояна, а соотносился с какими-то собственными ее мыслями. – И холостой к тому же, – добавила она. – Но все равно, Настюша, ты зря на него не разогревайся. Это ветер, а не мужик. В голове у него только море, корабли, оружие и беспрестанные опасности. Я его хорошо знаю: в советско-финляндскую мы при одном гидроучастке служили, тогда нам часто приходилось встречаться. Старшие офицеры постоянно ворчали, – все были уверены, что этот малый рано или поздно свернет себе шею, а в условиях войны такая вероятность кажется почти неизбежной. Есть у него закадычный друг – Вересов, он из «морских охотников», такой же сорвиголова, один другому под стать. Причем, оба бабники, ага, – кивнула она в подтверждение своих слов, – Вазген – тот блондинок любит, вот как раз таких, как ты. Только смотри: ни-ни! И думать забудь! Надолго его ни на одну не хватает. Мозги у него так устроены – в одном направлении работают, на всяких там второстепенных предметах долго не задерживаются.

– С чего ты взяла, что я о нем думаю? – возразила Настя, но тут и вправду задумалась: а что ей за дело, действительно, до этого лейтенанта? Столкнулись, разошлись, мало ли таких встреч бывает в жизни. – Сейчас война, не до романов, – напомнила она Полине, а, может быть, самой себе.

– И-и, Настюха, война не война, а молодость всегда свое возьмет. А любовь, так та и вовсе не спрашивает, в какое время ей приходиться, когда захочет, тогда и сведет с ума.

Настя внимательно посмотрела на Полину, уловив в ее голосе затаенную горечь:

– Поля, у тебя что-то случилось, я вижу. Не хочешь мне рассказать?

– Поздно что-то рассказывать. Теперь уже нечего. – Ее блестящие глаза подернулись влагой, губы сморщились, еще немного, и она бы расплакалась.

Настя сообразила, что за последними словами подруги кроется какая-то тайна. Вздвигнувшись своей догадкой, совсем было собралась подступить к Полине с расспросами, как вдруг в коридоре послышались шаги и оживленный разговор, прерываемый звучным смехом. Так могут смеяться мужчины в расцвете лет и здоровья, когда ни война, ни иные превратности

судьбы или обстоятельств не в состоянии пошатнуть несокрушимого жизнелюбия и самоуверенности молодого человека.

Вслед за произведенным шумом явились обладатели громких голосов – старшие лейтенанты, одним из которых оказался тот самый Вазген, обсуждаемый девушками, вторым – его лучший друг Алексей Вересов. Девушки, пораженные столь неожиданным совпадением с темой их беседы, устали на мужчин во все глаза.

Нельзя было не признать, что оба красивы, но не какой-то особенной соразмерностью черт, способной превратить мужское лицо в слащавый эталон красавчика, а тем именно, что составляет истинную привлекательность в молодых людях: гладкой здоровой кожей, живым блеском глаз, свежим цветом щек, белизной крепких зубов и яркостью губ. И тот и другой были почти одного роста, что называется, выше среднего, оба темноволосы, хотя Вересов был все же светлее. Да и глаза у него, как у всякого русского человека, не могли бы вместить в себя того полуночного мрака, какой присутствовал во взгляде южанина, а потому казались скорее золотистыми, чем карими. Трудно сказать, что роднило этих людей, разве что безудержная удаль и всепоглощающая любовь к морю и к своей профессии, во всем остальном они казались окружающим совершенно разными: Вазген был шумлив, порывист и временами неуправляем, из-за чего навлекал на себя нарекания со стороны начальства. Он, вероятно, мог бы подвергнуться серьезному наказанию, если бы его выходки не заканчивались всякий раз как хорошо спланированные и продуманные операции, приносящие неизменный успех. Хотя, кто знает, не рождались ли эти маневры мгновенно у него в голове и не являлись ли выражением военного таланта. Весь его облик свидетельствовал о прямоте, решимости и избыточной силе.

Алексей, напротив, отличался выдержкой, хитрецей, осмотрительностью, был, проще говоря, себе на уме, что ничуть не умаляло его храбрости. Движения его были плавны и изящны, равно как и манера изъясняться; все это в сочетании с золотистыми глазами наводило на мысль о каком-нибудь хищнике из отряда кошачьих – медлительном, вкрадчивом и в то же время опасном.

Читатель, надеюсь, простит пристрастие автора к героям данного повествования и столь красочное описание двух мужчин, офицеров, каких были тысячи на войне, и были среди них, возможно, еще более достойные, отважные, умные, многие из них погибли, иные заслужили звезду героя, стояли насмерть, выказывали чудеса храбрости, осуществляли блестящие военные операции. Почти все они были молодыми людьми от двадцати пяти до тридцати со своими надеждами, мечтами, честолюбием, амбициями. Смелчаки, боевые командиры, они были цветом нации, тогда одной – советской, когда не задумывались русский ты, грузин, армянин или украинец. Всем им еще предстояло многое пережить – радости и горести, гибель товарищей, ранения, награды, и очень многим суждено было погибнуть, а выжившим испытать все тяготы войны.

Однако не будем опережать события: теперь привлекательные девичьи лица обратили мысли молодых людей в совершенно иное русло.

Офицеры смерили девушек в высшей степени одобрительными взглядами, как смотрят обычно мужчины, неизменно расположенные к женскому полу.

После чего Вересов пропел:

– А мы к вам, девицы-красавицы. Полюбочка, не имею чести знать твою подругу. Представь нас, окажи любезность.

Далее последовал ритуал с расшаркиванием и целованием ручек, отчего застенчивая Настя стала прямо сама не своя – несносный Вазген так и впился в нее своими разбойными глазами, будто в первый раз увидел женщину. Настя, однако, решила проявить твердость духа, памятуя о предупреждениях Полины и ветренности отважного лейтенанта. Хотя она менялась поминутно в лице, все же старалась держаться с возможной холодностью. Но не тут-то было!

– А ведь мы с вами где-то встречались, – заявил этот пират таким тоном, что хоть из дому беги!

К счастью, Полина вовремя прервала опасный разговор. Поскольку мужчины так и не сообщили о цели своего визита, – скорее всего, забыли, отвлекшись на женское общество, – Полина предложила им выпить чаю, на что они согласились с поспешной готовностью. Недолго думая, расселись за стареньким канцелярским столом. В комнате топились буржуйка, на ней всегда наготове попыхивал чайник, сквозь неплотно прикрытую дверцу пробивались веселые язычки пламени; легкий запах дыма и березовых поленьев, сложенных горкой у печки, заполнял воздух мирным домашним уютом.

– Вы позволите, я закурю? – Вазген достал мятую пачку папирос, продолжая разглядывать Настю со смущающей ее настойчивостью.

– Давно тебя не видела, – обратилась Полина к Вазгену. Она держалась с ним вполне свободно на правах старой подруги. – Что с тобой сегодня? Ты прямо светишься.

– Его представили к награде, Полиночка, – подал голос Вересов. – Он участвовал в выполнении очень важного задания и даже был назначен ответственным гидрографом.

– Какого задания, если не секрет? Или это военная тайна?

– Теперь уже нет, – ответил Вазген, – только пусть Алеша расскажет, не стану же я сам себя хвалить? А, Леш, давай распиши меня как можно красочнее, специально для девушек, у тебя это здорово получится.

Такое предложение показалось друзьям невероятно смешным, и они снова от души расхохотались.

– Нет, с вами положительно нельзя разговаривать серьезно, – рассердилась Полина, – а между тем я спрашиваю об очень серьезных вещах. К награде просто так не представляют.

– Мы прокладывали по дну озера кабель связи, – сказал Вазген. – Хорошо, попробую рассказать, только романтики в этом мало. Вам, девушкам, подавай что-нибудь возвышенное, героическое, а тут, представьте, огромные катушки с десятками километров намотанного бронированного кабеля. Погрузили их на баржу, которую тянул буксир. Мы, гидрографы, предварительно промерили глубины, взяли пробы грунта, обозначили трассу вехами. Кабель погружали в воду, скорость прокладки 4–5 километров в час. Ну как, продолжать? – улыбнулся он. – Это была многодневная, тяжелая работа, теперь Ленинградский фронт имеет связь со Ставкой Верховного Главнокомандующего, а это самое главное.

Он не рассказал о том, как налетели «юнкеры» и забросали суда бомбами, как мотало кабелепрокладчик и сопровождающие суда, людей швыряло и окатывало холодной водой, были раненые, но корабли уцелели. Прицельному бомбометанию мешал огонь зенитных средств тральщиков и «морских охотников». Вазген всегда был спокоен, когда рядом находился МО Вересова, его верного друга, который сидел сейчас молча и лишь изредка вскидывал веки, роняя в сторону собеседников золотые искры из глаз.

– А все-таки, где бы я мог вас видеть? – снова обратился к Насте Ароян.

Она решила, что рано или поздно он все равно вспомнит, а поскольку, как нам известно, изворачиваться она не любила, то и ответила с подкупающей прямоотой:

– По моей вине вы вымокли, помните, там, на переправе.

Он посмотрел на нее с любопытством:

– Почему вы это сделали?

– Не знаю, – честно призналась она, – не пойму, что на меня нашло. Вы меня чем-то сильно рассердили.

– Вот как! Неужели я имел такую неосторожность? Хотя, по правде сказать, я часто бываю неосторожным, но наказан впервые. Я тогда сильно вымок, – добавил он с мягкой укоризной.

Настя окончательно смутилась и покраснела.

– Простите меня, – пробормотала она, – иногда я веду себя очень глупо.

Смущение шло ей необыкновенно: тонкий румянец, лучистый ускользающий взгляд смятенных глаз, подкупающая наивность движений и откровенное простодушие придавали девушке особую прелесть, способную взволновать любое, еще не тронутое цинизмом, равнодушием или усталостью мужское сердце.

Арьян, как бы желая поделиться впечатлением, переглянулся с Вересовым.

Тот, впрочем, как и Полина, чувствовал себя почему-то лишним в данной ситуации.

– Кстати, об одежде, – вернувшись к прежней энергичной манере общения, продолжал Арьян, – мы, признаться, затем сюда и пришли. Вересову осколком порвало бушлат. Мы надеялись, что кто-нибудь из девушек поможет зашить прореху, у вас это ловко получается.

– Боже мой, – с жаром воскликнула Настя, – что же вы молчите, Алексей?! Как вы сами, не ранены? Снимайте же, снимайте скорей! У вас все в порядке с рукой?

– Как приятно, когда о тебе заботятся! – промурлыкал Вересов, сбрасывая пострадавшее обмундирование. – Нет, нет, уверяю вас, я в полном порядке.

Настя извлекла из ящика швейные принадлежности, которые всегда держала под рукой, и села за штопку, с прилежностью склонив белокурую голову. Офицеры молча за ней наблюдали.

– Черт меня возьми совсем! – с чувством произнес Арьян неизвестно к чему.

Вскоре общая беседа возобновилась к большому облегчению Насти. Она быстро управилась с поврежденной курткой, молодые люди рассыпались в словах благодарности, после чего распрощались и ушли.

Глава 5

Итак, с сожалением отказавшись от приятного общества, доблестные лейтенанты направились туда, куда призывал их долг, а именно: в штаб флотилии, где им надлежало быть в определенное время по приказу командующего. В двухэтажном кирпичном здании, где располагался штаб, было многолюдно: поминутно прибывали офицеры, вызванные на совещание к командованию.

В коридоре кто-то неожиданно хлопнул Вересова по плечу и голос, чем-то Алексею смутно и неприятно знакомый, воскликнул:

– Вересов! Ты ли это?

Алексей обернулся. Так и есть: Смуров, чтоб ему пусто было! Более нежелательной встречи Вересов не мог себе представить. Кирилл Смуров был его бывшим однокурсником, которого он не видел с момента окончания военно-морского училища, но сейчас узнал мгновенно, даже несмотря на то, что последний изменился до неузнаваемости. Прежними у него остались разве что глаза, очень светлые, неотступно сосредоточенные на собеседнике, однако то раздражающее, известное только Алексею преданно-просительное выражение, каким Смуров преследовал его в пору их юности, бесследно исчезло. Когда-то это был долговязый, худой юноша, физически слабый и неуспевающий по всем дисциплинам. В училище Смурова держали только благодаря его отцу, контр-адмиралу, служившему в народном комиссариате ВМФ. Курсанты не то чтобы не любили Смурова, его просто не замечали, он был из тех воспитанников, которые не вызвали к себе никакого интереса или симпатии, с кем не считались и чьей дружбы не искали, от кого нетерпеливо отмахивались, как отмахиваются от надоедливой и неугодного родственника, общество которого все же необходимо терпеть.

Вересов, одержимый в те годы обостренным чувством справедливости, проникся к Смурову состраданием и взял его под свое покровительство. Возможно, в определенной степени его подвигло на этот шаг постоянное заискивание Смурова перед Алексеем – отличником, старшиной класса и несомненным лидером. Стоило Алексею уронить какой-нибудь предмет, и Смуров бросался со всех ног его поднимать. Если у Алеши не оказывалось при себе ручки или неожиданно заканчивалась тетрадь, у Смурова непременно находилась в запасе необходимая принадлежность. Как только тень досады омрачала лицо Алексея при подсчете оскудевших финансов, подскакивал Смуров и предлагал денег взаймы, которых, впрочем, никогда не брал назад. С неусыпным вниманием он караулил каждое движение Алексея, демонстрируя радостную готовность ему услужить. В итоге Алеша обратил на Смурова внимание, а приглядевшись, заметил, что того никто не замечает. Такое положение вещей показалось ему негуманным по отношению к сокурснику, и он приблизил Смурова к себе.

В ответ на расположение Вересова Кирилл Смуров повел себя до того странно, что Алексей даже через много лет не мог найти объяснений его поступкам. Кирилл преданся Алексею всецело и следовал за ним повсюду, как неусыпный ординарец, всем своим поведением и словами давая понять, что нет у Алеши на свете друга более верного, преданного и самоотверженного, чем он, Смуров. Выждав необходимое время, он принялся с бесконечным терпением и изобретательностью плести интриги против однокурсников, в общество которых теперь был допущен, и едва не перессорил Алешу со всеми его друзьями.

Каким-то таинственным образом наставники стали узнавать обо всех юношеских забавах своих воспитанников, причем часто эти увеселительные мероприятия носили отнюдь не невинный характер. В каждом случае следовало суровое наказание, которое, однако, странным образом обходило стороной Алексея Вересова. Авторитет его на курсе заметно пошатнулся. Товарищи стали его сторониться, чему он поначалу не придал серьезного значения, но в конце концов забеспокоился. Смуров между тем с фанатичной настойчивостью нашепывал Алеше,

что однокурсники его не стоят, что все они неблагодарны, неспособны на истинную дружбу и что только он, Кирилл, по-настоящему ценит и любит Алексея.

Вересов все-таки вызвал друзей на объяснение, которое едва не закончилось стычкой. Курсанты были распалены и исполнены негодования, на Алешу посыпались обвинения, он в свою очередь возмутился и вспылал. Неизвестно, чем все могло бы закончиться, не появившись в тот момент Вазген Ароян. Для Смурова Вазген, лучший и закадычный друг Вересова, был последним, еще не взятым бастионом. После разбивки по специализации на старших курсах, Вазген учился в классе гидрографов, поэтому подступиться к нему было сложно, к тому же слыл драчуном и забиякой, спуску никому не давал; воспитанники училища, испытав на себе силу его кулаков, предпочитали с ним не связываться. Смурова Вазген не переносил и, несмотря на уговоры Алексея, неизменно изгонял из своего общества.

Разбирательство происходило в одной из курсантских спален.

– А ну, посторонись! – скомандовал Вазген, бесцеремонно расталкивая сгрудившихся юношей и становясь рядом с Алексеем. – Те, у кого есть вопросы к Вересову, могут обратиться ко мне, – он вызывающе оглядел возмущенных парней и добавил: – Только не все сразу. Ты, Федотов, говори, какие у вас претензии.

– Ты лучше его спроси. Кто-то стучит на нас командирам, всех наказывают, а его нет. Пусть объяснит, почему так происходит.

– Да вы в своем уме, парни? – моментально вскипел Вазген. – Вы что, Лешку Вересова не знаете? Да я сейчас первому, кто еще такое скажет, морду набью.

– Вересов уже не тот, что раньше, это все замечают. Верно я говорю, ребята?

– Верно, – загудели собравшиеся, – он нам сам не доверяет, загордился и стал скрытничать. Должно быть, оттого, что у самого рыльце в пушку.

– Да я вас!.. – рванулся Алеша, но Вазген его перехватил.

– А ну уgomонитесь все! – рявкнул он. – Если среди вас завелся предатель, то надо в этом разобраться спокойно. Только Леша тут ни при чем, говорю вам, это просто смешно обсуждать. Возьмем самый последний случай. Кто тогда был?

– Я был, – сказал Федотов, – Вересов, Захаров, Полежаев и Костя Щербин.

– И что? – спросил Вазген.

– А то! Все отсидели на губе, кроме Вересова.

– А кому рассказывали?

– Да никому, только все стало известно во всех деталях – и про водку, и про девочек, даже их имена командир знает.

Вазген обвел взглядом курсантов и вдруг за широкой спиной Полежаева заметил бесцветные, неподвижные глаза Смурова, в которых просвечивала какая-то затаенная мрачная радость.

Вазгена будто кто-то толкнул изнутри. Он вклинился в толпу ребят, схватил Смурова за тельняшку и выволок на середину круга.

– А вот этот с вами был?

– Смуров? – озадаченно произнес Федотов и оглянулся на друзей. – А фиг его знает, может, и был. Костян, ты не помнишь, Смурова с нами не было?

– Хоть убей, не помню. Он что есть, что его нет, как тут вспомнить? – отозвался Щербин.

– Был Смуров! – вдруг вскрикнул Захаров. – Точно был! Я сейчас сообразил. Он же всюду за Вересовым таскается, а мы его никогда не замечаем, да он и сам незаметный, сядет вечно где-нибудь в уголке и молчит как рыба, даже не шевелится, а сам, видать, все на ус наматывает.

– Эге, – процедил здоровенный Полежаев, обходя Смурова и с отвращением его оглядывая, – а ведь и тебя ни разу не наказывали. Что скажешь, адмиральский сынок?

Смуров съжился под его взглядом, побледнел и затрясся. Круг курсантов, центром которого он был, начал сужаться.

– Братцы, – радостно воскликнул Федотов, – это что же получается?! Значит, мы зря на Леху наговаривали. Выходит, этот слизняк во всем виноват. Тащите сюда одеяло, устроим ему темную.

– Стойте, – закричал Алексей, – не трогайте его, дайте я сам с ним поговорю!

Это правда, Смуров? – спросил он дрожащего парня. – Отвечай, если ты не трус, хотя бы передо мной не позорься.

Смуров неожиданно и как-то разом перестал дрожать и уставил в Алексея преданные, собачьи глаза.

– Я не трус, – проговорил он чуть слышно, – ты не думай, я не трус. Это они все шкурники. Ты их не знаешь, совсем не знаешь, – речь его становилась все громче и сбивчивее. – Они тебя не любят, никто из них, все только притворяются, я сам слышал, как они плохо о тебе отзывались, они тебя ругали, смеялись над тобой...

– Ты что болтаешь, сучонок? – ласково спросил Полежаев, надвигаясь на Смурова.

– Ты на кого напраслину возводишь? Мало того, что ты стукач и подлец, ты еще и клеветник. Отойди, Алеша, дай нам с ним поговорить по-флотски.

– Я вас не боюсь, – взвизгнул Смуров, – плевать мне на вас, все вы подонки, я вас ненавижу, ненавижу, гады, сволочи!..

– Заткнись! – истоптленно закричал Вересов и занес кулак, метя Смурову в лицо, но вдруг замер, пораженный: Смуров тянулся навстречу его удару, принимал с готовностью, с убежденным самоотречением, и именно это по-настоящему испугало Алексея.

– Да брось ты его, – серьезно сказал Вазген, – не видишь, он не в себе.

Оставьте его, ребята, пусть живет, как знает, но только один. Говорил я тебе, Леш, не приваживай этого убогого. Пусть папаша его воспитывает, если еще не поздно.

Курсанты стали нехотя расходиться, презрительно сплевывая Смурову под ноги, но тот ничего не замечал, глядя со звериной тоской вслед Алексею. С тех пор он жил словно в изоляции, учиться стал из рук вон плохо, с горем пополам окончил училище, лишь благодаря влиянию отца, и о том, как в дальнейшем сложилась его судьба, Алексею было неизвестно.

Вересов после случая со Смуровым стал осмотрительнее в своих симпатиях и антипатиях, с людьми с тех пор близко сходитьсь опасался, и потому Вазген остался его единственной сильной и искренней дружеской привязанностью. Дружба с годами становилась все крепче и самоотверженнее, им посчастливилось в дальнейшем служить вместе и не расставаться, часто выручать друг друга в минуты опасности, так что один уже не мыслил своей жизни без другого.

Да, теперь перед Алексеем стоял совсем другой Кирилл Смуров. Учился плохо, а вот, поди ж ты, уже капитан-лейтенант. Вид у него был холеный, что особенно бросалось в глаза в обществе посеребренных и уставших офицеров, которые, в большинстве своем, только что сошли с кораблей, вернувшись с трассы из-под налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов. Внешность Смурова, прежде заурядную, сейчас можно было бы назвать вполне благообразной, если бы не портящее лицо надменное выражение, презрительно опущенный уголок рта и жестко-насмешливый прищур светлых глаз.

– Смуров? – без улыбки приветствовал его Алексей. – Какими судьбами? Не ожидал тебя здесь увидеть.

– А я ожидал, и даже знал наверняка, что тебя здесь встречу. Мне было известно, что вы с Арояном служите на Ладого. – Смуров посмотрел в спину Вазгену, который, не заметив его, прошел вперед и вступил в разговор с офицерами. – Я все о вас знаю. Вы служил в Черноморском флоте, воевали в советско-финляндскую, были в Кронштадте, а теперь угодили на озеро. Поправь меня, если я ошибаюсь.

– Да нет, все правильно. Только откуда такая осведомленность? – Алексей разглядывал Смурова, стараясь понять, отчего его внезапно охватило чувство беспокойства.

Сейчас, по прошествии лет, можно было бы отнестись снисходительно к раздорам безрассудной юности и не поминать старое, как это случается при встрече уже взрослых бывших одноклассников, но что-то Алексея настораживало в Смурове, – что именно, он сам не отдавал себе отчета.

– Я служу в Особом отделе, – пояснил Смуров, – прикомандирован к флотилии для прохождения дальнейшей службы.

– А-а, вот оно что, – протянул Вересов. Что ж, подумал он, этого следовало ожидать. Не напрасно присутствие Смурова вызвало у него смутные подозрения. – Так ты, стало быть, особист?

– Он самый, – подтвердил Смуров. – Не всем же воевать? Кому-то надо следить за чистотой кадров. Кругом полно предателей и отщепенцев. В условиях войны они особенно опасны, сам понимаешь.

Он изобразил подобие улыбки, которая на его лице, не предназначенном, по общему впечатлению, для выражения добрых чувств, выглядела довольно скверно. Вересов почувствовал отвращение.

– Жаль, Смуров, очень жаль, – сказал он. – Я надеялся, что жизнь тебя чему-то научит. А ты все такой же...

Он с трудом удержался от бранного слова. Смуров скривился в мгновенной непонятной гримасе.

– Не забываетесь, товарищ старший лейтенант, – произнес он задушевым тоном, – вы разговариваете со старшим по званию.

Вересов медленно вытянулся, картинно, высоко подняв локоть, взял под козырек и повернулся к нему спиной.

Двери кабинета командующего распахнулись, приглашая войти собравшихся.

Командующий ЛВФ, капитан 1-го ранга Чероков, выглядел не менее уставшим и осунувшимся, должно быть оттого, что в кабинете своем не засиживался, неизменно находился в гуще событий – на кораблях, на трассе или в Осиновце, куда поступали грузы, и который нещадно бомбили немцы.

– Товарищи офицеры, обстановка резко обострилась, – обратился он к присутствующим. – Гитлеровцы начали крупное наступление на Тихвин и Волхов, их цель – соединиться с финскими войсками и замкнуть Ленинград вторым кольцом блокады. Допустить этого нельзя. Все вы понимаете, что означает для нас потеря Волхова – последней железнодорожной станции, которая связывает Ленинград с Большой землей. Мы получили приказ срочно перебросить с западного берега озера на восточный 44-ю и 191-ю стрелковые дивизии, а также 6-ю отдельную бригаду морской пехоты. В общей сложности необходимо доставить около 20 тысяч бойцов, более сотни танков, столько же орудий, автомашины, тракторы и более тысячи лошадей. Должны быть задействованы все корабли флотилии. Переброска войск будет осуществляться из Осиновца в Новую Ладугу. Операция сложная, но я не сомневаюсь, что вы с ней справитесь. Перевозками я буду руководить лично из Осиновца.

Подойдя к карте, командующий продолжал объяснять ситуацию, уточнять детали. Офицеры слушали молча и внимательно. Для них это было всего лишь очередное задание, не более сложное и не более опасное, чем предыдущие.

Глава 6. Год 2008

Днем иду по Троицкому мосту на Петроградскую сторону. Люблю ходить пешком в хорошую погоду, которая почему-то случается все реже. Должно быть, глобальное потепление тому виной; пишут, что даже в Африке зарядили дожди в сухой сезон, климат везде меняется, обидно, что не в сторону погожих дней. Сегодня, правда, переменная облачность, солнце прорывается сквозь облака, и сразу щедро льется золотым потоком на воду, Нева благодарно вспыхивает, горит, искрится. В вихре сверкающей водяной пыли по кругу носятся катера, устроили гонки как раз перед Петропавловской крепостью.

Иду и думаю, что вчера сваяла дурака: ну познакомилась с Евгением, а дальше что? Надо было составить более действенный план, чтобы продолжить знакомство. Теперь придется подстраивать еще одну встречу, что хлопотно и ненадежно: вдруг опять будет с подружкой, эта кобра с самого начала спутала все мои карты. До чего порой женщины портят чужую игру своими стандартными узкими представлениями. Презираю девиц, у которых смысл жизни сводится только к любви и сексу. Любовь, конечно, занимает в жизни важное место, но сколько в мире удивительного, завораживающего и тайного, до чего не терпится докопаться, постичь самую суть. Семья, муж, дети необходимы, но я никогда не погрязну в тягучем, как сладкая вата, розовом мирке семейного благополучия, мне нужен полет, свобода, фантазия! Да, я такая, и парня себе найду с соответствующими интересами, близкого мне по духу и темпераменту...

Ну вот, опять о мужчинах! Никуда от них не деться!

Рядом притормаживает синий понтиак. За рулем сидит...кто бы вы думали? Угадали, именно тот, кто мне и нужен. Должно же человеку иногда везти. Я чуть не подпрыгиваю! Хотя, признаюсь, мне довольно часто везет на совпадения. Стоит ненароком сосредоточиться на каком-то образе, и прототип тут как тут, уже не впервые замечаю. Скорее всего, так проявляется моя интуиция.

– Здравствуйте, Катя, – говорит. Гляди-ка, имя запомнил! – Гуляете? Я бы сам прогулялся, но, жаль, некогда. А может быть, вас подвезти?

Без излишнего жеманства открываю дверцу и сажусь рядом с ним:

– Привет, я не прочь прокатиться. Вообще-то я не гуляю, у меня есть дело на улице Мичурина, просто решила пройтись под солнышком.

– Работаете? Кем, если не секрет?

Усиленно соображаю, как бы правдоподобное соврать, чтобы не засыпаться.

– Эээ...я корректор в одном небольшом издательстве! – Вот как удачно вывернулась!

– Не густо, – качает он головой. – Но вы сказали это с таким воодушевлением...видимо, вам нравится ваша работа.

– А как же! Бывает, принесут такую шнягу...гм...вы не поверите, как люди безграмотно стали писать...а ты превращаешь каждую строчку в произведение искусства...

Он внимательно поглядывает на меня, пока я со счастливым лицом описываю прелести корректорской профессии. Пожалуй, пора заткнуться, а то получается явный перебор.

– А вы чем занимаетесь? – спрашиваю.

– У меня прозаическая профессия, вы заскучаете.

– А все-таки? Хочется знать, чем занимаются молодые интересные мужчины в славном городе Питере.

Во как! Еще и комплименты ему говори! Хотя, если быть до конца честной, есть в нем какое-то обаяние, то самое, что я особенно ценю в мужчинах – вроде и не слишком красив, но все у него выходит симпатично, так, что хочется слушать и смотреть.

– В позапрошлом году я создал небольшую фирму по телефонизации, мы подводим телефонные кабели к домам и учреждениям. Строим телефонную канализацию, если нужно, и протягиваем по трубам кабель – медный или оптико-волоконный...

– Колоссально! Вы приносите обществу настоящую пользу, не то что я.

– Почему же, вы тоже вносите посильный вклад в культуру.

– Что вы называете культурой? Сейчас такая мусть взвихрилась, трудно разобраться, во что я вкладываю. Разберутся лишь наши потомки в следующем веке, когда опадет вся шелуха и останется истинное культурное наследие.

– Ого! Да вам бы самой книги писать! Не пробовали?

– Нет, – отвечаю с излишней поспешностью. Дурища, не худо бы язык попридержать, того и гляди начну сыпать журналистскими штампами. Однако разговорить по теме нового знакомого как-то надо. Поэтому продолжаю: – Писателя из меня не выйдет, но читать люблю до одурения. А еще я завзятый киноман, увлекаюсь историей кино, коллекционирую фильмы с любимыми актерами. А вы чем увлекаетесь?

Оказывается, Евгений – страстный поклонник утиной охоты. Всего-то и надо было задать один простенький вопрос. Собеседника моего понесло – мама родная! Знаете, сколько видов уток обитает на просторах нашей необъятной родины? Крякв, нырков, свиязей, чирков, гоголей и турпанов? А сколько водится на озерах, болотах, прудах, по берегам больших и малых рек Ленинградской области?

Я немею в буквальном смысле слова, поскольку совершенно не в теме и могу только согласно мычать, кивать и расточать лстивые улыбки этому живодеру.

– Занятие для настоящего мужчины, – выдавливаю я, хотя начинаю потихоньку Евгения ненавидеть, как ненавижу всех охотников, категорически не принимаю никаких доводов в пользу убийства птиц и животных в дикой природе. И ни один чертов умник, именуемый себя ученым, не убедит меня в том, что отстрел волков или медведей необходим для контроля их численности. «Романтиков», расписывающих прелесть убийства на лоне природы, азарт и радость оттого, что загублено очередное совершенное создание, я не приму в друзья никогда, такие люди для меня не существуют, они достойны лишь презрения и противодействия!

– Хочу купить собаку – лайку или курцхаара, – заявляет изувер и ждет одобрительной реакции. – Охота с собакой еще более увлекательна. Тебе какая порода больше нравится?

Ах, он уже со мной на «ты»! Мне надо чувствовать себя польщенной?

Растягиваю губы в улыбке:

– Обожаю лаек, особенно хаски, у них бесподобные голубые глаза!

– Что ты, Катенька! Сибирский хаски – это ездовая собака, а лайка – охотничья.

М-да, эрудицией блеснуть не удалось. По-видимому, во многих вопросах я полный профан, что непростительно для журналистки. Надо срочно заняться самообразованием. Надеюсь, ему не взбредет в голову просвещать меня насчет охотничьих ружей, столько информации мой черепок не вместит.

– Катя, поедem на Невский, пообедаем на открытом воздухе, грех не воспользоваться такой погодой. Я знаю отличное местечко, – неожиданно предлагает он.

– Тебе же было некогда, – подкалываю я.

– Верно, но мучиться от голода глупо, время обеденное, а потом я отвезу тебя, куда прикажешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.